

Тихие зори Бориса Васильева

Борис Васильев...
Автор таких произведений, как «А зори здесь тихие», «Не стреляйте в белых лебедях», «Были и небыли», «Вещий Олег», «Князь Ярослав и его сыновья»...
Лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».
В книгах, посвящённых минувшей войне и более отдалённым периодам российской истории, он исследует проблему становления и воспитания национального характера народа.
Об этом — наш разговор с ним, записанный незадолго до его кончины

— Борис Львович, в духовной жизни народа, так же как и в политике или экономике, случаются подъёмы и спады. Иногда национальный характер может преобразить не только Россию, но и судьбы народов мира. Как это объяснить?

— Я люблю погружаться в нашу русскую историю, в которой есть всё: и примеры малодушия «в верхах», и брожения «в низах». Но много и примеров, достойных подражания. Бывало, и страна показывала силу, и народ излечивался от социальных и духовных недугов. В своих романах «Вещий Олег» и «Князь Ярослав и его сыновья» я старался показать не только роль личности в истории, но и условия, способствующие или мешающие выдвигению лидера, полководца, главы государства.

— К сожалению, история России полна мифов и ошибок. Вот, например, в известной песне «Не валий дурака, Америка» поётся, что Екатерина II продала Аляску, а ведь это случилось через семьдесят лет после неё. А вот в чём была не права императрица, так это в том, что раздала дворянам 800 тысяч государственных крестьян и тем вдвое увеличила число крепостных.

— Крепостное право наложило негативный отпечаток на русский характер, причём как холопов, так и их хозяев. С одной стороны, при Екатерине, благодаря указу «О даровании свобод русскому дворянству», после столетий абсолютизма как наследия времён Золотой Орды русское общественное сознание приближалось к осмыслению личной свободы и прав личности. Николай I уже не лишал родственников декабристов ни родовых привилегий, ни поместий. С другой стороны, сословные перегородки мешали талантам из народа. А уж сколько было трагедий, полонанных судеб, мы знаем по произведениям классиков. Убийство царя-освободителя Александра II перед подписанием им Конституции надолго задержало демократический процесс в России, и в какой-то степени эти исторические издержки и слабость государственных институтов позволили большевикам подменить общенациональный смысл существования умозрительной социальной идеей, что привело к превращению русского человека в «советского», лишённого корней. Повторилась трагедия крестьянства, и было закабалено свободное дотеле казачество.

— Всё-таки, кроме однодворцев, казачества, городского населения, от крепостной зависимости были свободны крестьяне Финляндии, Сибири и Севера. Историки и классики иногда

склонны преувеличивать крепостнический гнёт. Но крепостные составляли до 32 процентов от всего крестьянства. Известный фольклорист Рыбников, записавший героические былины со слов олонечского крестьянина, жителя Кижей Рябинина, писал о независимости характера северян в сравнении с забитостью толстовских героев.

— Возможно, в отдельных губерниях психология крестьян и других слоёв была особой, но когда в советское время искали врагов сначала среди белых, вообще «бывших», потом среди кулаков, то никаких северных и сибирских заповедников, никакого Беловодья не оказалось. От рабского вандализма, проявившегося в разрушении дворцов и прекрасных усадеб, затем перешли к тому, что разило русский народ, поколебало его устои и нравственность. Повсюду, даже там, где, как вы правильно заметили, не было крепостного права, пошла вакханалия разрушения храмов, осквернения святынь. Как поднималась рука на то, что строили свои же предки?

— Это не только разрушало веру, но и уродовало национальное самосознание. Существовал ли так называемый советский патриотизм?

— Никакое социальное учение не способно породить патриотизм. Патриотизм — чувство человека, осознавшего себя таковым. Единственной его проверкой является гражданское деяние. Биография нашего народа бесперебойна, и мы прямыми потомки тех, кто строил наше Отечество и кто защищал его в битвах, коим в нашей истории несть числа.

— При смуте и распадах государства проявлялся местный патриотизм. Он ещё в Древней Руси мешал киевским великим князьям собирать мощное единое всеславянское государство. Понятие патриотизма родилось одновременно с рождением народа нашего, менялось, переосмысливалось и углублялось на каждой ступени становления и Руси, и России. За всю тысячелетнюю историю мы не утрачивали государственности.

— Вашим любимым героем в русской истории стал Александр Невский — почитаемый в православии святой, великий полководец и государственный деятель... Что, на ваш взгляд, преобладало в нём?

— Патриотический подвиг Александра Невского настолько велик, что надо разобраться в судьбе этой личности, явления нашей истории. Как, например, расценить с точки зрения патриотизма то, что ещё его отец, Ярослав Всеволодович, не помог родному брату, великому князю Владимировичу Юрию, в сражении с татарами на реке Сити, а потом не поспешил на помощь жителю Козельска? Он первым понял, что татаро-монголы пришли набегом, а ливонцы построят замки, отнимут лучшие земли и насильственно введут католичество. Он сохранил дружину и передал Александру. Вероятно, из-за наветов в далёком Каракоруме отравили прозорливого и мудрого князя.

Сегодня мы склоняем головы не перед Даниилом Галицким и вторым сыном Ярослава Андреем, а перед светлой памятью одного из величайших деятелей средневековья, гениального дипломата и знаменитого полководца святого Александра Ярославовича Невского. У него хватило мудрости, выдержки, прозорливости и отваги не только продолжить отцовское дело, но и углубить его настолько, чтобы оно стало необратимым.

— Проявив воинский талант и отвагу на Чудском озере, Александр разбил рыцарей Ливонского ордена, остановил их натиск, но мощь Новгорода и Пскова была подорвана. Невский действовал не только мечом, но и с тончайшим расчётом при дальновидной политике. В поисках союзников он брался с наследником золотоордынского престола Сартаком. Когда в 1269 году Ливонский орден начал новое наступление на русские земли, его вместе с русскими встретили и татарские войска. Они помогли объединённому польско-русско-литовскому войску сокрушить Ливонский орден в Грюнвальдской битве.

— Таково было первое смутное время на Руси и преодоление удельного раскола при яростной агрессии как с Востока, так и с Запада. Оно, мне кажется, больше соответствует нашему смутному времени, чем Смута начала XVII века и послевоенный распад в XX веке при большевиках.

— Не возникает ли между этими временами прямых аналогий?

— Наше экономическое положение ныне требует стабилизации, внутренней собранности, а не раскола и противостояния. Во имя спасения родины нам нужны завтрашние идеалы. Внешние факторы и сегодня играют роль. Сегодня Запад и Восток не грозят отгнём и мечом, но борьба за рынки сбыта, сырьё, капиталы ведётся. Очень важен поиск союзников при приоритете национальных интересов. К сожалению, без яростного сопротивления удельные владыки не сдавались и не сдаются, трактуя патриотизм с выгодных для них позиций.

— Характерной чертой всех смутных времён является утрата подавляющей массой населения общенационального смысла существования. Обнищание народа и отсутствие реалистической национальной идеи не позволяют пока говорить о решительном переломе, хотя есть признаки промышленного подъёма в отдельных отраслях и воля президента восстановить вертикаль власти.

— Народ — становой хребет страны, главный фактор государства; сохранение национального согласия в обществе представляется главной задачей внутренней политики.

— Могушество России всегда опиралось на единый смысл существования, что придавало её патриотизму совершенно особое звучание: датчанин Даль стал русским писателем и собирателем живого великорусского языка, шотландцу Барклаю-де-Толли Пушкин посвящает стихи «У русского царя в чертогах есть палата...», героизм проявили грузин Багратион и потомок татар Кутузов. Россия — многонациональная страна, и ни при каких обстоятельствах нельзя не учитывать эту её особенность. К осмысленному чувству патриотизма звали и на него опирался Александр Невский, вставший перед историческим выбором пути, на котором решалась судьба нашего отечества.

— Преодоление экономического отставания и наших духовных утрат требует труда нескольких поколений. «Самоничужение паче гордости», — говорили наши предки. Русская культура сначала испытывала иноземное влияние, а потом сама влияла на культуру других народов.

— Наряду с близкой византийской культурой на Россию воздействовал и католический Запад, где цель всегда оправдывала средства, и исламский Юг, где смерть в бою рассматривалась как особая милость, и кочевой Восток, где воля поглотила самоценность личной свободы. Это всё причудливо переплелось в нашем сознании. Татаро-

монгольское нашествие и длительный военно-политический союз с Золотой Ордой оставили след в душе нашего народа, но не столь глобальный, как об этом принято говорить. Мы сохранили не только свой язык, нравы, обычаи, религию, но и свой антропологический тип.

— Есть мнение, что тиражирование литературной классики в тридцатые годы «амортизировало» репрессии, помогло возрождению народного духа в Отечественную войну, подготовило возрождение веры и открытие храмов в новейшее время.

— Безусловно, что-то из советского искусства, литературы и театра подпитывало дух, а что-то мешало. Например, Горький воспел маргинальные элементы, люмпенов. Если маргинальная интеллигенция, лишённая убеждений, в поисках куска хлеба насущного пошла служить советским властям, то горьковские челкаши ринулись сокрушать «до основания» и преуспели в открытой войне с русским крестьянством. Эта масса из маргиналов и люмпенов деревни и города была вне контекста народной нравственности и гражданского долга, не была обременена ни традициями, ни знаниями, ни чувством ответственности за прошлое и будущее родины. Их подчинили идее, хотя нет и не может быть непреходящих идей, а народы непреходящи и вечны.

— Булгаков — прекрасный писатель, но не думаю, что воздействие «Белой гвардии», как и русской классики, было тогда велико. Для меня образ патриота-гражданина воплотился не в булгаковском Хлудове, а в шолоховском Григории Мелихове, воевавшем не за идею, а за право быть самим собой.

— Понятие всенародный патриотический подвиг в Великую Отечественную войну стал возможен потому, что вспомнили о славе русского оружия и о великих предках наших, даже о золотых погонах. И народ (неистребимая вера в чудеса, в разумность властей, в справедливость — черта чисто национальная) возродился из пепла, как птица Феникс, до надрыва напряг свою силу и волю.

— Фильм по вашему произведению «А зори здесь тихие» проникновенно лиричен. Подвиг хрупких девушек трогает до слёз. Как удалось добиться такого изображения характеров?

— В 1941 году я был в окружении и на себе испытал многое. Это и послужило толчком для написания правдивого произведения о людях, оторванных от штабов и действующих на свой страх и риск. Мне отрадно, что и «Не стреляйте в белых лебедях» удачно экранизированы и поставлены на сцене. В главной роли запомнился Станислав Лубшин. Все писатели ищут истину и приближаются к ней, если душа героя обнажена не столько на словах, сколько в поступке, в действии.

— В романе «Были и небыли» вы обратились к истории, к роли России на Балканах. Что, по вашему мнению, тогда двигало нашими предками?

— Вышло уже четыре книги этой своего рода эпопеи об истории русско-сербских отношений. В освободительной войне на Балканах участвовали мои предки. Они двигала славянская солидарность. И вообще любовь к истории у меня была настолько сильна, что я хотел стать учителем истории. Вмешалась война. Я окончил Академию бронетанковых войск и был испытателем боевых машин, капитаном по званию. Самые близкие друзья были среди фронтовиков-однополчан, встречи с ними питают мою душу.

— Вы живёте в тихом Солнечногорске, но затворником вас не назовёшь.

— Я четырежды был в Америке, несколько раз в Германии, ездил в Испанию, Францию, Англию, Китай. Кстати, и там есть своя классика, но немало и низкорослого, что захлестнуло и нас. Лишь великие традиции, продолженные в искусстве и литературе, согласный труд способствуют возрождению Великого Государства.

Николай Доризо: «Но как на свете без любви прожить?»

Лауреат Государственной премии России и премии имени А.Фадеева Министерства обороны, Николай Доризо широко известен песнями «Помнишь, мама моя, как девочку чужую...», «Огней так много золотых», «Почему ты мне не встретилась?», «Давно не бывал я в Донбассе».

Его песни звучали в сорока фильмах и становились популярными в исполнении Лемешева и Шульженко, Зыкиной и Бернеса, Синявской и Бейбутова. Одна из самых проникновенных лирических песен Доризо «Но как на свете без любви прожить?» имела оглушительный успех в исполнении Аллы Пугачёвой.

Николай Доризо печатался и как драматург. Выпустил собрание сочинений в трёх томах. За книги «Пока деревья есть на свете» и «Я сочинил когда-то песню» был удостоен звания лауреата Государственной премии РФСР имени Горького, был награждён орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак почёта».

В конце прошлого года Николаю Доризо исполнилось бы 90 лет. «ОЛГ» публикует одну из последних бесед с выдающимся русским поэтом.

— Николай Константинович, Владимир Высоцкий со слезами на глазах пел вашу песню «Почему ты мне не встретилась?». Булат Окуджава признавался, что на него оказала влияние песня «Помнишь, мама моя, как девочку чужую...».

— Да, действительно, Высоцкий любил эту песню, а Булат вообще был мне близок. Свои первые песни он начал исполнять в кругу друзей. И не однажды признавался: «Ты внёс душевность, человеческую тему первой своей работой «Помнишь, мама моя, как девочку чужую...» Это наша с Никитой Богословским песня стала очень популярной. Хотя свою самую первую песню я услышал на фронте в исполнении солдат: «Любимая, далёкая, дочурка чернокожая». О том, как её пели в госпитале, написал Виктор Астафьев в «Звездопаде».

— Многие ваши песни сродни народным по языку и задушевности. Что тут важнее: то, что вы родились в песенном краю и семейные традиции или влияние таких песенников, как Суриков и Никитин?

— Всё вместе. Родился я на Кубани, в станице Павловской под Тихорецком. И бабушка Мария Назаровна, кубанская казачка с запорожскими корнями, с детства пела мне песни на русском и на украинском языках. Среди её любимых были и на слова Сурикова «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина» и «Степь да степь кругом».

В песне важно высказать мысль и выразить чувство, чтобы органично срослись язык стихов и мелодия. Почему песни Кольцова, Сурикова, Никитина так долговечны? Песенный язык должен быть народным, близким и понятным. Иначе народ не подхватит.

— Как складывалась ваша творческая судьба? Кто из известных поэтов помог или оказал влияние?

— После войны, а воевать пришлось на многих фронтах, я вернулся в Ростов, учился в университете. Впечатления того времени нашли отражение в стихотворении «Вкладывайте деньги в воспоминания». После выхода сборников стихов в 1948-ом в Ростове и в 1952-ом в Москве работал вместе со Щипачёвым, Сельвинским. Много лет дружил со Светловым. Одно время чуть ли не ежедневно встречался в Переделкино с Катаевым, замечательным мастером, удивительным собеседником, от которого узнал много интересного о жизни, творческом кипении двадцатых и тридцатых годов.

— У вас есть прекрасное стихотворение о вдове Михаила Булгакова. Там меня поразили строки, что хорошая вдова важнее, чем хорошая жена.

— В данном случае действительно так. Елена Сергеевна сберегла всё, созданное Михаилом Афанасьевичем.

— Вы понимали, с кем жили. Русский поклон вам земной! Каждой строкой дорожили. В книжке его записной.

— Сколько она писем писала, пробивая публикацию бесценных произведений! Её труд сродни подвигу:

Собрана вами держава, вся, до последней главы. Вы и Посмертная слава — Две его верных вдовицы...

— Есть у вас задушевное стихотворение «В тишине уснувшего вагона» и песня «Легко садиться в дальний поезд». Это ваша любовь к путешествиям?

— Я объехал всю нашу страну, особенно когда работал секретарём Союза писателей России с 1959 по 1968 год и потом через десятилетие, работая секретарём по национальным вопросам. Сорок лет дружу с Расулом Гамзатовым. Дороги сдружили со многими. С Твардовским оказался в одной поездке по Грузии, потом встретился с ним в Доме творчества. Вели разговоры о поэзии до утра. Я его почитал как великого поэта и редактора «Нового мира», но говорил открыто, как с товарищем.

— Друзьями мы были и с Сергеем Орловым, опалённым войной прекрасным поэтом. У меня есть стихи, посвящённые ему. Он сумел проникновенно, образно и ярко сказать о подвиге солдата. Когда я был членом редколлегии журнала «Советский воин», то нередко творчество Орлова приводил в пример молодым талантам из войск.

— Железные дороги подарили мне не только множество встреч с прекрасными людьми. Когда глядишь в окно вагона на поля и перелески, деревни у реки, луговые дали, чувствуешь родину у самого сердца. А больше всего люблю железную дорогу за то, что подарил мне много стихов и песен, рождённых в пути. Одну их своих книг стихов назвал «Люблю писать в дороге». Сколько возвышенных чувств и раздумий вызывают наши пейзажи!

— Помню, как вместе с вами принимал участие в Пушкинском празднике в Болдино. Тогда вас принимали лучше всех, любя сердцем и умом ваши стихи и особенно песни. Помню, когда стояли после праздника с тогдашним министром культуры России Мелентьевым, Юрий Серафимович сказал о вас: «Редкая песенная душа! Как его любить в народе!»

— А приходилось выступать перед военной аудиторией?

— И не раз. И в железнодорожных войсках перед строителями БАМа сколько раз выступал. И перед нашими офицерами и солдатами по всей стране, и даже в ГДР и Венгрии. Очень жаль, что была неоправданная спешка к выводу наших войск из Восточной Европы. В результате, мужественные офицеры, люди чести и долга, оказывались зачастую без крыши над головой, необустроенными на родной земле. Сколько бы я не писал об армии, всегда в долгу перед ней. На моих четырёх авторских вечерах в Колонном зале столько писем получал и с добрыми отзывами, и с кричащими вопросами и проблемами. Конечно, не сравнить

размер аудитории в Лужниках и в Политехническом, но всё-таки у нас была самая читающая страна. Очереди за автографом бывали длиннее магазинных.

— Тиражи книг, особенно поэтических, упали в последние годы в тысячи раз. А что изменилось на эстраде? Больше стало песен-однодневок. Если и подхватывает зал, то одну фразу, а не всю песню. И уж вряд ли поют дружно в застолье нынешние песни.

— Не стало сюжетных песен, песен-рассказов. Когда есть о чём сказать, создаются песни-новеллы с сюжетом, характером героя. Такие, как у Алексея Фатьянова, с которым мы близко дружили. Сейчас мало песен на настоящие стихи. А ведь песне тогда обеспечен успех и долголетие, когда поэт выразил душу. В песне «Огней так много золотых» я попытался выразить страдания женщины, когда после войны осталось мало мужчин, почему и любила женатых. А оказалось, что песня навсегда стала актуальной и любимой. Одно время после фильма часто звучала по радио «От людей на деревне не спрячешься», но особый успех выпал на долю «Почему ты мне не встретилась, юная, нежная». Марк Бернес был мастер песенного рассказа и пел с необыкновенной задушевностью.

— Николай Константинович, слышал, что в своё время вы получили неожиданную награду за песню.

— Нас с Никитой Богословским наградили знаком «Почётный шахтёр» за песню «Давно не бывал я в Донбассе». Она десятилетия держалась на эстраде благодаря сюжету и лиризму.

— Продолжаете ли песенную стезю?

— В своё время очень популярной была в исполнении Ольги Воронец и Людмилы Зыкиной моя песня «Взрослые дочери». С успехом читал на выступлениях стихотворение «Спешит на свидание бабушка». И вот, поскольку я сам нянчился с внучкой, появилась песня «Кольбельная»:

Спугались лёгкие пряди.

Спишь ты в краткое соней.

Жизнь моя прожита ради

Тихой улыбки твоей.

— Эти очень проникновенные слова должны найти понимание.

— Мне недавно сообщили, что Иосиф Кобзон, у которого родилась внучка, очень разволновался, познакомившись с этой песней.

— Недавно ваши книги вышли в двух издательствах. Какая из них для вас дороже?

— Обе дороги. Сборник стихов и песен разных лет «Но как на свете без любви прожить?» выпустило издательство «Русская книга» большим тиражом. И ещё книга проза, которая писалась десятилетиями, — «Всё, что знаю о любви». Прозу стараюсь писать в лучших традициях.